

(Фрагмент из книги для ознакомления)

Глава 1

Жико медленно пробирался вперед по едва заметной лесной тропинке, длинной палкой раздвигая перед собой траву. В некоторых местах трава была еще влажной от утренней росы, хотя солнце поднималось всё выше, и его теплые лучи все увереннее пробивались сквозь густую листву. Птицы заливались на разные голоса, на мгновение замолкали, завидев мальчика, и тут же принимались щебетать снова.

Он вышел на большую поляну, в середине которой возвышались три старых березы. Мальчик уверенно обошел их, направляясь к самой солнечной стороне, и не ошибся: там гордо торчали пять крепких, коренастых подберезовиков. Жико вынул маленький ножик, аккуратно срезал грибы и сложил в корзинку. Корзинка была уже полной, последний гриб никак не умещался, и его пришлось разрезать пополам.

Жико оглянулся, свистнул и громко позвал:

— Гарт!

Откуда-то издалека донесся могучий, раскатистый лай, тут же подхваченный эхом. Лай раздавался все ближе и ближе. Наконец, справа затрещали кусты, и на поляну выскочил огромный красавец-пес; его роскошная золотистая шерсть так и заиграла на солнце. Он еще раз оглушительно гавкнул и замер на месте в ожидании поручений.

Жико протянул ему корзинку.

— Вот. Отнеси, пожалуйста, домой.

Пес осторожно взял зубами плетеную ручку.

— Ты понял? — спросил Жико, не выпуская корзинки. — Домой!

Пес обиженно заворчал и потянул ручку. Жико улыбнулся, погладив его.

— Знаю, знаю. Тебе не нужно повторять дважды. Ты у меня умница. Ну, беги. Я тебя здесь подожду.

Пес повернулся, парой огромных прыжков пересек поляну и исчез в кустах.

Жико сел на землю, прислонился к одной из берез и прикрыл глаза. Он немного устал; сегодня он отправил домой уже третью корзину. «Надо будет еще поискать здесь,— подумал Жико. — Очень хорошая полянка, наверняка тут еще что-нибудь найдётся. А потом можно пойти в рощу за оврагом. Я там давно не был; наверно, тоже успели вырасти грибы».

Жико хорошо знал лес и отлично разбирался в грибах и ягодах. Лес кормил его, он

помог ему выжить, когда четыре года назад мальчик остался один. Это потом кузнец Дальян взял его в ученики, и жить тогда стало полегче, а сначала пришлось тяжело, и Жико спасался тем, что собирал лесные дары. Чтобы хватило на всю зиму, запастись нужно было очень много, и Жико пропадал в лесу целыми днями. Гарта тогда еще не было, и приходилось, наполнив корзину, каждый раз возвращаться домой, высыпать и снова отправляться на промыслы. Вечером Жико валился с ног, но вместо того, чтобы лечь отдыхать, возился еще полночи: чистил, резал, раскладывал и развешивал сушить. Чегмерский лес был полон грибов и ягод, и все бы еще ничего, если бы не постоянные потери. Развешенные для сушки грибы воровали, а ягоды и орехи по дороге домой часто отбирали королевские стражники. Постепенно Жико приоровился; он продумал, как удобнее всего обходить грибные и ягодные места, чтобы, набрав корзину, оказаться поближе к дому и не попасться на глаза страже. Еще Жико сообразил, что часть собранного можно продавать, и тогда прямо из леса начал носить корзины на базар. Это, конечно, было опасно — как раз на базаре больше всего и любили промышлять доблестные королевские солдаты, отнимая у торговцев полюбившийся товар. Но зато, если торговля была удачной, появлялись деньги, и можно было купить хлеб, молоко и картошку. На базаре Жико и познакомился с кузнецом Дальяном.

— Здорово, купец! — прогремел однажды над головой Жико чей-то веселый голос.

Жико посмотрел вверх и подивился огромному росту и широченным плечам кузнеца.

— Позови мать: я хочу взять орехов.

Жико отвел глаза. Напоминание о матери все еще причиняло боль. Как бы хотел он ее позвать!..

— Пожалуйста, покупайте. Только матери нет, я один продаю.

— Ишь ты! — удивился кузнец. — Что же, и рассчитаться можешь?

— Конечно.

Кузнец вынул тяжелый кожаный кошелек.

— И не обманывают тебя, не обижают?

— Ну как же без этого, — усмехнулся Жико. — Бывает.

— Что же мать тебя одного посылает?

На этот раз Жико быстро взял себя в руки и не отвел глаз.

— Она умерла.

Добродушная улыбка кузнеца погасла.

— Ах ты ж... Прости, брат... Давно?

— Больше года уже.

— Прости, — повторил кузнец. — Отцу, стало быть, помогаешь?

— Отца убили, на войне еще.

Кузнец молчал какое-то время, растерянно глядя на Жико.

— С кем же ты живешь?

— Один.

— И не помогает тебе никто?

— Почему никто? Шаледан очень помогает, служитель небес. Даже жить к себе звал, только я не пошел: ему и так тяжело, а тут еще я на шею сяду.

— Это он хорошо... А ты, значит, не захотел обузой быть старику... Как же ты зиму-то пережил?

— Запасов наделал — грибов, орехов, варенья. Сухарей насушил. Перезимовал, хвала небесам.

— Хвала небесам, говоришь, — задумчиво повторил кузнец. — Ну да, оно и понятно: на кого тебе еще надеяться-то...

Он опять замолчал, в раздумье поигрывая кошельком.

— Так что — орехи будете брать? — напомнил Жико.

— А? Да, конечно. — Кузнец протянул ему шапку. — Вот, сюда положи.

Жико насыпал полную шапку орехов. Кузнец расплатился крупной монетой и отказался взять сдачу.

— Ты вот что... Ты завтра ко мне приходи.

— Зачем? — удивился мальчик.

— Ну... дело есть. К обеду, ладно? Я вон в той стороне живу, — указал он. — Спросишь кузницу или Дальяна кузнеца, тебе всякий укажет.

На другой день Жико отправился к кузнецу. Кузницу он отыскал быстро. Это был невысокий, но крепкий сарайчик, изрыгавший клубы черного дыма и сотрясавшийся изнутри от могучих ударов молота. Рядом стоял добротный дом, на крыльцо которого вышла седенькая старушка.

Жико поздоровался и спросил, здесь ли живет кузнец Дальян.

— А, вот и гость дорогой, — заулыбалась старушка. — Здесь, сынок, здесь. С утра тебя ждет. Заходи в дом, садись; я сейчас его позову, и обедать будем.

Жико немного растерялся от такого гостеприимства.

— Спасибо... только вы не путаете меня ни с кем? — спросил он, переступая порог.—

Я ведь не в гости, меня Дальян по делу позвал.

Старушка легонько подтолкнула Жико к столу.

— В два часа пополудни первое дело — обед. Тебя звать-то как? Жико? Славное имя. А меня бабушка Шанита. Меня все так зовут, и ты зови. Дальян мне сын. Садись. Сейчас я его приведу.

Она вышла. Удары молота вскоре прекратились, и через какое-то время на пороге возник Дальян, сияя белозубой улыбкой на чумазом от копоти лице.

Кузнец умылся, и они сели обедать. Бабушка Шанита потчевала удивительным супом, от которого исходило множество знакомых и незнакомых ароматов. Жико вспомнил, что его мать тоже знала много приправ и тоже всегда добавляла в суп разные разности; от этого добрая старушка понравилась ему еще больше, хотя внешне была совсем непохожа на мать. Дальян расспрашивал Жико о его жизни, о грибных и ягодных местах, о торговле на базаре, о стычках с королевскими солдатами. Жико рассказывал, а сам все думал, по какому же делу позвал его кузнец, и когда он об этом заговорит.

— Ну, что, матушка? — спросил вдруг Дальян непонятно о чем.

— Да что же? — всплеснула руками бабушка Шанита. — Что ж ты спрашиваешь? Всё ведь решили. Говори ему скорей!

Дальян отложил ложку, потом снова взял и повертел в руках, не зная, с чего начать.

— Ты знаешь что? Ты иди ко мне в ученики. И жить к нам перебирайся. Ты не думай, я бить не буду, я не такой. И вообще, мы с матерью заместо семьи тебе будем.

Так Жико стал учеником кузнеца. Жизнь его резко переменилась: все утро он был свободен, а после обеда помогал в кузнице, учился ремеслу. Дальян не сильно нагружал его работой, и Жико быстро понял, что кузнец не собирался его нанимать, а просто решил взять в семью. Мальчик был очень благодарен, но нахлебником стать не хотел, и поэтому продолжал каждое утро ходить в лес на промыслы. Бабушка Шанита с удовольствием возилась с его добычей, чистила, жарила, готовила разные вкусности или отправлялась с полными корзинами на базар. Уж у нее-то никто не смел отобрать товар или деньги: всем было хорошо известно, какого сына вырастила эта хрупкая старушка. Да и Жико тоже теперь почти не обижали: в селе быстро прознали, что его то ли усыновил, то ли взял на работу кузнец Дальян, и стали обращаться с мальчиком осторожно. Основания для этого были весьма серьезные.

Однажды к кузнице подъехал королевский стражник, желавший перековать лошадь.

Дальян вышел ему навстречу, неспеша вытер руки и позвал Жико.

— Знаешь этого парнишку? — спокойно спросил кузнец, положив на плечо стражнику тяжелую ладонь.

— Да... на базаре видел несколько раз., — пробормотал солдат, который был на голову ниже кузнеца и даже с наплечниками казался почти вдвое уже в плечах.

— Ну, вот, — так же спокойно продолжал Дальян. — Запомни и дружкам своим передай: если узнаю, что кто из вас его хоть пальцем тронул — в землю вобью по самые уши. Не посмотрю, что у вас королевский герб на груди.

Чегмерцы были люди смышленные, и потому сразу сообразили, что если Дальян осмелился так пригрозить королевской страже, то уж тем, у кого не имеется на груди герба, придется в случае чего совсем худо.

Дальян, бабушка Шанита и Жико зажили очень даже неплохо. Соседи сперва только недоуменно качали головами, не понимая, зачем Дальян взял чужого мальчишку. Однако, вскоре они стали качать головами уже по другой причине: видя, как Жико ежедневно помогает в кузнице, таскает воду из колодца, колет дрова и постоянно приносит домой полные корзины отборных грибов и ягод, расчетливые чегмерцы сообразили, что мальчик, пожалуй, не только не доставляет убытков, а наоборот, очень даже выгоден, и стали жалеть, что сами упустили такого работника. Соседи были правы: Жико действительно полностью себя обеспечивал и очень помогал семье. Ну а потом, когда появился Гарт, дела и вовсе пошли на лад.

Гарт был настоящим подарком небес. Позапрошлой зимой Жико зашел слишком далеко в лес, собирая хворост, и заблудился; он долго плутал, пытаясь выбраться, и наконец вышел на какую-то странную тропку. Сначала Жико подумал, что ее протоптали волки: на снегу отчетливо виднелись следы больших лап, которые Жико принял за волчьи. Следов этих было очень много; очевидно, бежала целая стая. Но, присмотревшись получше, Жико с облегчением обнаружил, что следы эти отличаются от волчьих и похожи, скорее, на следы огромных собак. Жико обрадовался, решив, что набрел на следы охотников, которые рано или поздно выведут его к какой-нибудь деревне, и принялся обследовать тропку, желая в подтверждение своей догадки найти и человеческие следы. Но человеческих следов нигде не было; вместо этого среди больших отпечатков собачьих лап Жико разглядел вдруг какие-то другие, маленькие следочки, совершенно ему незнакомые. Следочков этих было немного, гораздо меньше, чем собачьих, но попадались они постоянно. Жико в растерянности оглядывался, ломая голову над тем, что бы это могла делать в лесной чаще целая стая собак без хозяев, да к тому же еще и в компании

каких-то других, неведомых мелких зверьков — как вдруг откуда-то донесся слабый писк. Жико пошел в ту сторону и вскоре увидел в снегу, немного в стороне от тропки, маленький желтый комочек. Жико взял его в руки; это был полузамерзший щенок.

У мальчика сжалось сердце; не зная, что делать, он снял рукавицы и принялся было растирать щенка, но руки быстро заоченели. Тогда Жико расстегнул шубу, потом рубашку, и посадил щенка себе за пазуху. От прикосновения ледяного тельца мальчика охватила дрожь; он быстро запахнулся, прижал щенка покрепче и побежал, чтобы согреться. Бежать по глубокому снегу было трудно, и Жико быстро выбился из сил, но не давал себе остановиться. Время от времени он заглядывал под шубу, и оттуда таращились на него черные глазенки. «Ничего, ничего, — успокаивал он щенка. — Теперь-то уж точно выберемся. Теперь я знаю, почему небеса сделали так, чтобы я заблудился: чтобы тебя спасти. Скоро дорогу найдем, вот увидишь». И он не ошибся. Через какое-то время он увидел большую кривую сосну, которую сразу узнал, и сообразил, где находится. До дома было далеко, но теперь Жико знал, куда надо идти. Он выбрался на дорогу, по которой сельчане ездили в лес за дровами, и побрел домой. Вскоре его нагнал Адраш, работник трактирщика Шарлопа, возвращавшийся с полными санями дров. Адраш посадил мальчика в сани и подвез до самого дома. У ворот они встретили Дальяна; он собирался уже идти в лес разыскивать Жико.

— Жико! — вскричал Дальян, увидев, что мальчик обеими руками держится за грудь. — Что с тобой?

— Не что, а кто, — отвечал Жико, с трудом слезая с саней. — Смотри.

Он приоткрыл ворот шубы. Щенок испугался огромного, бородатого Дальяна, но не сплоховал: заворчал, а потом вдруг тьякнул хриплым баском:

— Гарт!

Так его и называли. Дальян не хотел сначала, чтобы Жико держал собаку, и даже говорил об этом с Шаледаном. Он считал, что мальчик не сможет прокормить щенка, и просил, чтобы Шаледан убедил Жико его отдать. Но Шаледан, служитель небес, рассудил по-иному.

— Не отнимай дара, посланного небесами, Дальян, — сказал он. — Небеса ведь не зря отдали в руки Жико эту маленькую жизнь. Не лишай сироту радости и утешения: заботясь о ком-то другом, человек забывает собственное горе.

Дальян уступил, хотя его не очень-то убеждали все эти разговоры про «небеса». Жико был счастлив и, как мог, выхаживал песика, несмотря на то, что и сам болел, простудившись тогда в лесу. Бабушка Шанита поила Жико каким-то особым травяным

отваром, и каждый раз мальчик делился с Гартом, терпеливо, по капле вливая отвар в маленький ротик щенка. Шаледан тоже принес какое-то снадобье, которым Жико растирал песика по два раза в день, а потом заворачивал в старую шерстяную кофту и укладывал рядом с собой. Благодаря столь усердным заботам щенок быстро поправился. Со временем Гарт превратился в необыкновенно рослого, сильного красавца с блестящей золотистой шерстью и стал предметом зависти всей округи. Его давно бы украли, если б такое было возможно, но Гарт не раз давал ясно понять, что не поздоровится тому человеку, который осмелится прикоснуться к нему без разрешения Жико. Преданность его Жико была безгранична; он сопровождал мальчика повсюду, и во всем, как мог, помогал ему. Гарт быстро научился носить корзинки, чем намного облегчил Жико работу. Теперь мальчику не нужно было каждый раз возвращаться, наполнив корзину; вместо этого он отправлял домой Гарта, а сам продолжал работу. Бабушка Шанита принимала и высыпала грибы, и Гарт отправлялся обратно в лес. Там он легко находил Жико, возвращал ему пустую корзинку и тоже принимался за дело. Гарт отлично искал грибы, причем безошибочно отличал хорошие от поганок. Крупные грибы он аккуратно, не повреждая грибницы, вынимал из земли и приносил Жико; обнаружив же россыпь мелких грибов, пес начинал лаять, и Жико, хорошо знавший этот призывный лай, спешил на помощь и срезал грибы ножом. Грибы были одним из любимых кушаний Гарта. Вообще, прокормить его оказалось на удивление просто: пес, отличавшийся необыкновенными размерами, отличался еще более необыкновенным вкусом — он совсем не любил мяса. Словно нарочно стараясь пристыдить Дальяна, опасавшегося вначале, что щенок будет слишком прожорлив, Гарт предпочитал каши, овощи и особенно картошку, причем даже такой пищи ему требовалось совсем немного.

Что же касается таинственных событий той давней ночи, когда Жико нашел в лесу щенка, то они так и остались загадкой. Никто, даже старик Шаледан, не мог объяснить, как оказалась в лесной чаще стая собак, куда эта стая бежала морозной ночью, и кому принадлежали странные маленькие следочки.

Жико открыл глаза и огляделся: ему показалось, что вернулся Гарт. Но пса поблизости не было, да и не стал бы он скромно стоять рядом, а наверняка прыгнул бы на грудь и ткнулся бы мокрым носом прямо в лицо. Тем не менее Жико чувствовал совершенно ясно, что рядом кто-то есть. Или не совсем рядом, но сейчас покажется... Мальчик встал, вышел на середину поляны и внимательно посмотрел по сторонам. Нет, никого, только птицы

продолжали беззаботно порхать и чирикать, а уж они-то первыми предупредили бы, если бы кто-нибудь вздумал потихоньку подкрасться. Жико снова присел и задумался. Он никогда не боялся леса, хотя с кем только не приходилось ему встречаться порой на извилистых лесных тропках, и никогда прежде не испытывал он ничего подобного. А сегодня был какой-то особенный день. С самого утра Жико владело непонятное и необъяснимое предчувствие. Ему почему-то казалось, что именно сегодня должно произойти что-то необыкновенное и очень важное, такое, чего никогда не случалось раньше и от чего изменится вся его жизнь. Время от времени ощущение это как будто пропадало, но потом вдруг появлялось снова и было настолько сильно, что Жико даже оглядывался, как сейчас, ожидая наконец увидеть то, что так настойчиво и ясно предупреждало о себе с самого утра.

Затрещали кусты, загалдели перепуганные птицы; вот теперь действительно кто-то сюда бежал, и не кто-то, а Гарт — Жико увидел золотистое пятно, мелькавшее среди ветвей. Красавец пес вскоре выскочил на поляну, но вместо того чтобы отдать Жико пустую корзинку, которую принес, он почему-то поставил ее на землю несколько в стороне, помахивая хвостом и поглядывая на хозяина с радостной хитринкой, словно желая сказать: «А что у меня есть...»

— Что там такое? — заинтересовался Жико. — Ну-ка, покажи.

Он поднялся и хотел заглянуть в корзинку, но Гарт тут же подхватил ее и, озорно подпрыгнув, переставил подальше.

— Ах, так! — вскричал Жико. — Ну, берегись!

Он погнался за Гартом, который, вне себя от восторга, принялся носиться по поляне, ловко уворачиваясь и время от времени подзадоривая и себя, и хозяина оглушительным лаем. Жико решил не сдаваться, хотя хорошо знал, что догнать и тем более поймать Гарта невозможно. Подобные игры пес обожал и устраивал постоянно — и победа всегда оставалась за ним, хотя Жико тоже был достаточно проворен. Так случилось и на этот раз.

— Сдаюсь! — объявил Жико, тяжело дыша. — Предлагаю заключить мир.

Гарт тут же согласился и сам подтащил корзинку, показывая, что теперь можно и посмотреть, что там такое. В корзинке лежал кусок хлеба, две вареные картошки и кувшин молока, тщательно закупоренный специальной пробкой. Заботливая бабушка Шанита, видя, что Жико запаздывает к обеду, прислала ему поесть, причем не забыла даже положить небольшую мисочку для Гарта, потому что знала, что Жико обязательно поделится с ним.

Так он и сделал: вылил в миску половину молока из кувшина, раскрошил туда

половину хлеба и одну картошку. Гарт с удовольствием принялся за это лакомство; для него лакомством было любое блюдо, куда входила картошка. На дне корзинки Жико нашел завернутую в тряпочку щепотку соли и, посолив оставшуюся картошку и хлеб, тоже принялся за еду. Он любил эту простую пищу, которая не так давно была для него роскошью — когда он жил один и когда приходилось трудиться почти целый день, чтобы заработать на такой вот кувшин молока, несколько картошек и хлеб. Мальчик улыбнулся и еще раз поблагодарил небеса, подарившие ему семью.

Вдруг Жико перестал есть и обернулся. Вот, опять. Что же это такое? Опять это странное ощущение; опять ему показалось, что... Даже и не скажешь, что именно. Как будто то важное, что должно сегодня случиться, уже совсем рядом.

— Гарт, — негромко позвал Жико. — Ты ничего не замечаешь?

Гарт с готовностью покрутил головой, вильнул хвостом и продолжал спокойно есть. Он явно не чувствовал ничего необычного.

«Надо пойти к Шаледану, — решил Жико. — Может быть, небеса хотят о чем-то меня предупредить».

Он быстро закончил обед, вынул из-за пояса аккуратно свернутый мешок, уложил туда кувшин и дочиста вылизанную Гартом миску и поднялся.

— Пойдем-ка, дружок. Нам нужно зайти к дедушке Шаледану, а потом еще успеть к трактирщику.

Гарт подхватил корзинку и уверенно побежал впереди. Дорогу к Шаледану он знал хорошо: Жико часто посылал его туда с гостинцами — то с лукошком лесной малины, то с корзинкой грибов, то еще с чем-нибудь. Это было очень удобно; Шаледан жил далеко, и Жико, которому приходилось много работать, иногда просто не успевал к нему забежать, и тогда выручал Гарт, исправно доставляя гостинцы. Это было удобно еще и потому, что от самого Жико Шаледан мог и не принять подарков, зная, сколько труда они стоят. С Гартом же спорить было сложно: он приносил корзинку, ставил ее перед стариком и не уходил до тех пор, пока тот не возвращал ему корзинку пустой. Впрочем, совсем пустой корзинка тоже никогда не возвращалась: Шаледан клал туда то несколько кусочков сотового меда, то свою знаменитую клубнику, то книги, которые часто давал Жико почитать.

Грамоте Жико научила мать. Шаледан, видя способности мальчика и его любовь к чтению, стал давать ему книги и начал с ним заниматься. Занятия шли очень успешно, но их пришлось прекратить, когда мать Жико умерла, и мальчик был вынужден работать день и ночь, чтобы прокормиться. Но Жико так любил книги, что даже тогда умудрялся выкраивать для них время. А теперь, когда жизнь настолько изменилась к лучшему, что угроза

голода отступила и можно было позволить себе работать поменьше — теперь Жико все свободное время отдавал занятиям и книгам, боясь только одного: что в один прекрасный день книги у Шаледана закончатся, и читать будет нечего. Стараясь оттянуть этот момент, Жико перечитывал одни и те же книги по несколько раз, подолгу не спрашивая новых, но грустный день все равно приближался.

Мальчик взбежал на пригорок, остановился и посмотрел вниз. Отсюда хорошо была видна небольшая часовенка, а рядом с ней пасека, садик и маленький домик старика Шаледана. Шаледан жил одиноко, кормился огородом и пасекой и содержал в порядке часовенку. Кроме Жико, ему почти никто не помогал. Чегмерцы интересовались больше земной жизнью, чем небесами, и редко навещали служителя небес — разве только когда било вдруг по башке сильное горе или слишком уж нечиста была совесть. Да и в этих случаях многие предпочитали идти за тридевять земель в другое село, хотя тамошний священник просто брал приношение и отпускал с миром, а Шаледан никогда никому не отказывал в молитве, утешении или беседе. Но как раз это и не нравилось практичным и предприимчивым чегмерцам: слушая его, выходило, что очень много всего нужно обдумать и больно многое изменить в себе и в своей жизни. Зачем? Куда проще отдать приношение, да и дело с концом.

Жико издали разглядел высокую фигуру Шаледана; старик что-то делал, склонившись над одним из ульев. Вот он выпрямился, повернулся и посмотрел на пригорок, где стоял Жико. Шаледан, видимо, тоже заметил мальчика — несмотря на почтенный возраст, старик не жаловался на зрение. Жико помахал ему рукой, но Шаледан почему-то не ответил, как обычно, а продолжал смотреть, заслонившись ладонью от солнца. У Жико сильнее забилося сердце. «Может, он что-то знает? Хочет мне что-то сказать и ждет меня?..» Мальчик заторопился вниз.

Он немного запыхался, когда добежал до невысокой калитки. Шаледан уже шел ему навстречу по ровной, выложенной белыми камешками дорожке.

— Здравствуйте, дедушка Шаледан, — сказал, поклонившись, Жико.

Шаледан как-то особенно внимательно посмотрел на него.

— Здравствуй, сынок. Что случилось?

— Случилось? — переспросил Жико. — Ничего. А почему вы решили, что что-то случилось?

— Значит, пока еще ничего, — пробормотал старик, не отвечая на его вопрос. — Ты

заходи, заходи.

Он повернулся и пошел к дому.

Жико забежал вперед и коснулся руки старика.

— Пока? Вы сказали, пока ничего? Значит, и правда должно что-то произойти?

— Так-так, — отозвался на ходу Шаледан, взяв Жико за плечо и увлекая его за собой. — А ты, значит, уже почувствовал?

Они вошли в дом. Шаледан усадил Жико за стол, а сам сел напротив, устремив на мальчика внимательные серые глаза.

— Да... то есть... почувствовал, но не знаю, что, — попытался объяснить Жико. — Весь день сегодня мне всё кажется, будто случится что-то такое необыкновенное... необыкновенное и важное... Я сначала думал, это так просто — ну, замечтался, воображение разыгралось; скоро пройдет. А оно не проходит, а наоборот, сильнее становится. Тогда я решил к вам идти; подумал — может быть, вы что-нибудь знаете, может, слово у вас для меня есть...

Жико замолк и затаил дыхание, ожидая ответа.

Шаледан молчал какое-то время, то ли обдумывая услышанное, то ли подбирая слова.

— Слова у меня для тебя нет, — молвил он наконец.

Старик, видимо, собирался сказать что-то еще, но Жико от волнения не утерпел и не дождался.

— Как же? — воскликнул он. — Вы же сами сказали, что что-то должно произойти? Ведь так?

— Так, — кивнул Шаледан, — но не я должен открыть тебе это.

— Не вы? Тогда кто же? Ведь во всей округе нет больше никого, кто слышал бы голос небес! Может, вы все-таки можете мне рассказать, ну хотя бы немножко?

Шаледан покачал головой.

— С радостью рассказал бы, только мне это неизвестно. Что же касается голоса небес — небеса найдут, как открыть свою волю, сынок; вспомни героев древности. А теперь наберись терпения и выслушай меня. Помнишь ли ты самую первую нашу с тобой встречу? Вернее, самый первый наш разговор?

Жико улыбнулся.

— Встречу помню. Матушка подвела меня к вам и что-то сказала, но я ничего не слышал; я только смотрел на вас, запрокинув голову, смотрел во все глаза на человека, с которым говорят небеса... Это я помню. А вот разговор нет. Мне ведь тогда года три было, или чуть больше.

— Зато я помню все очень хорошо, — серьезно продолжал Шаледан. — Я спросил тебя, хотел ли бы ты стать королем. Ты задумался, и уже одно это сказало мне о многом. Дети, видишь ли, эгоистичны по своей природе. Не только дети, конечно; эгоистичны все люди, но дети особенно: они эгоистичны бессознательно, наивно и откровенно — разумеется, пока не научатся притворяться и скрывать свои истинные желания, что, впрочем, происходит довольно рано. Так вот — пока этого не случилось, заглянуть в душу ребенка довольно легко. Именно это я всегда и пытался сделать, когда ко мне приводили детей, и обычно мне быстро удавалось определить, насколько родители потворствуют врожденному эгоизму ребенка или же насколько успешно и мудро пытаются с ним бороться. Итак, вырастая, человек начинает задумываться о других и в большей или меньшей степени считаться с их интересами; дети же видят мир сквозь призму только своих интересов. Поэтому большинство детей, конечно же, хотело бы быть королями, чтобы жить во дворце, иметь богатство и слуг, приказывать и немедленно исполнять все свои желания. Детей привлекает то, что *может* король; при этом они, естественно, совершенно не задумываются о том, что он *должен*. Я много раз проделывал этот опыт и многим детям задавал этот вопрос; все они сразу же отвечали, что, конечно, хотят быть королями, а когда я сообщал им о нелегких королевских обязанностях — тут же разочарованно отказывались от престола. Боюсь, что таким образом я навсегда лишил некоторых из них заветной мечты; но зато и избавил от зародыша опасной болезни — бездумной зависти, которая терзает иных людей всю жизнь. Теперь ты понимаешь, как я насторожился, увидев трехлетнего ребенка, который сначала задумался, а потом заявил, что королем стать не хочет. Я начал тебя расспрашивать и убедился, что ты сказал это не просто так: ты действительно думал не только о себе и понимал, что быть королем означает отвечать за целую страну. Уже тогда я понял, что небеса уготовили тебе особенную судьбу, и потом, когда ты рос у меня на глазах, я с каждым днем убеждался все больше, что не ошибся.

Шаледан замолчал на какое-то время, и когда заговорил снова, в голосе его появилась какая-то особая торжественность и строгость.

— Мне неизвестно, что именно произойдет, но я могу и должен тебя к этому приготовить. Наступает твой час, сынок, и приходит твой срок. Как я уже сказал, я всегда знал, что твой час придет рано, и что путь, на который призовут тебя небеса, будет особенным. Это естественно и закономерно: ты знаешь истину, сердце твое исполнено Света, твой разум тверд, а дух закален и крепок. Небеса щедро одарили тебя. Я не боюсь тебе это сказать, потому что знаю, что ты не возгордишься, а задумаешься: ибо кому много дано...

— ...с того много спросится, — тихо закончил Жико. Он хорошо помнил это место из

Светлой Книги.

— Верно, — кивнул Шаледан. — Прими же мое благословение, сынок, и иди с миром; знай, что пришло время исполнить волю небес, и будь готов к тому, что с тебя спросится много.

Жико заворуженно слушал. То, что он смутно чувствовал сегодня с самого утра, Шаледан облакал теперь в слова, точные и ясные. Теперь мальчику казалось, что он и сам всё это знал, а Шаледан сейчас просто напомнил и немного объяснил. Да, да, именно так! Он знал, он чувствовал, что грядёт что-то важное, что пришел его час, настало время исполнить то, для чего он живет на земле! И небеса его к этому ведут и готовят, и каким-то чудесным образом собираются открыть ему, что именно он должен сделать!

Жико хотел что-то ответить, но от волнения не смог произнести ни слова, и только склонил голову, чтобы принять благословение.

Шаледан встал и возложил руки на голову мальчика.

— Пусть Владыка небес укажет тебе путь, сынок, пусть укрепит и наставит тебя; пусть он откроет тебе свою волю и поможет ее понять, принять и исполнить.

Старик не сразу отнял руки; быть может, он произнес еще короткую молитву про себя. Жико взглянул ему в лицо — Шаледан смотрел на него все так же серьезно и внимательно, словно пытаясь угадать, что происходит в его душе. Наконец, взгляд старика смягчился; он улынулся мальчику своей обычной тихой улыбкой.

— Иди с миром, сынок. Я пригласил бы тебя пообедать, но вижу, что ты предпочел бы сейчас остаться наедине с собой.

— Да... правда., — рассеянно отвечал Жико. Ему действительно нужно было побыть какое-то время одному, чтобы придти в себя и обдумать услышанное. — Спасибо... я пойду.

Шаледан проводил его до дверей. Гарт, терпеливо ожидавший во дворе, поднялся и без излишних напоминаний взял свою корзинку.

— Идем., — негромко сказал ему Жико, продолжая думать о своем.

— Не забудь зайти ко мне, когда все узнаешь, — сказал напоследок старик.

— Обязательно сразу же приду. До свидания, дедушка Шаледан.

Жико закрыл за собой калитку и побрел в сторону леса. Гарт бодро бежал впереди, иногда оборачиваясь и спрашивая взглядом, что произошло; он видел, что хозяин поглощен глубокими размышлениями — слишком даже глубокими, судя по тому, что прошел мимо небольшого подосиновика, высывавшегося из травы чуть в стороне от дороги.

Они углубились в лес. Гарт, недовольный странной невнимательностью хозяина, пристроился сзади, чтобы вовремя твякнуть, если Жико вздумает опять что-нибудь пропустить. Жико этого даже не заметил. Он снова и снова повторял про себя слова Шаледана. Небеса открыли своему служителю, что Жико должен исполнить нечто, но не сообщили, что именно; Шаледан повторил это несколько раз и сказал, что Жико узнает все каким-то другим образом. «Небеса найдут, как открыть свою волю, сынок; вспомни героев древности».

Жико хорошо знал истории, описанные в Светлой Книге; он стал мысленно перебирать их. Небеса по-разному сообщали смертным свою волю. Чаще всего это делалось через священника, однако в данном случае такой вариант, видимо, отпал. Иногда людям являлись эльгуры, но Жико знал, что не заслуживает такой чести: ее достаивались только самые лучшие, самые сильные и верные. Смертные ведь утратили способность общаться с духами, когда вступили на путь зла; они перестали видеть и слышать эльгуров. Эльгуры, конечно, по-прежнему могли сделаться видимыми и заговорить с людьми, но делали это очень редко, только в крайних случаях и только для достойнейших. Жико мечтал бы о таком счастье, но вряд ли мог на него рассчитывать. Иногда эльгуры являлись во сне, а иногда еще принимали человеческий облик, не желая возбуждать в смертных излишних волнений и страхов, и приходили так, чтобы помочь, подсказать, предупредить.

Вот, например, известная история о плотнике Илидоре, который сомневался, принимать ли хороший и выгодный заказ от нечестивого лорда Шагура, и просил небеса подсказать ему верное решение. Сначала ответ был ему дан во сне — Илидор увидел во сне эльгура, который сказал, что ему следует согласиться и добросовестно исполнить работу. Плотник подумал, что такое могло ему присниться просто потому, что он много об этом размышлял, и на самом деле сон этот, может быть, вовсе и не является ответом небес. Тогда он пошел к священнику, и священник подтвердил, что Илидор может со спокойной совестью взяться за работу, предложенную лордом, поскольку в ней нет ничего плохого: лорд хотел сделать большие столы для своей кухни. Илидор отлично выполнил заказ и вскоре получил новый; теперь лорд просил сделать длинные крепкие жерди. Илидор сразу согласился, но на этот раз он ошибся. Поскольку священник был в это время в отъезде, небеса послали к плотнику эльгура, чтобы предупредить его. Эльгур пришел под видом странника и сообщил Илидору, для чего нужны лорду эти жерди: Шагур собирался сделать из них копья, чтобы вооружить конный отряд и напасть на соседнюю область. Честный плотник сразу же отправился к лорду и отказался от работы. «Я не могу участвовать в изготовлении оружия, которое послужит для пролития невинной крови», — сказал он

Шагуру. Лорд устрасился, потому что никому еще не говорил о своих замыслах, и никто, кроме него самого, не мог знать, для чего он заказывал жерди...

Гарт разразился вдруг возмущенным лаем. Жико вздрогнул и обернулся.

— Что такое, Гарт?..

Но он и сам видел уже, что такое. Пес стоял возле трех великолепных белых грибов, крепких и упитанных, с круглыми боками и массивными шляпками. Красавцы-грибы, один больше другого, росли на открытом месте, и тем не менее Жико, погруженный в свои раздумья, не заметил их и прошел мимо. Гарт, разумеется, не мог этого пережить.

— Вот это да, Гарт. Какие красавцы, а? Поздравляю. Ты, кажется, хочешь сказать, что я ротозей?

Гарт шевельнул хвостом и лукаво прищурил глаза. Судя по всему, он хотел сказать именно это.

Жико подошел и взъерошил его золотистый загривок.

— Что ж, пожалуй, ты прав — нам лучше заняться делом. А там будет видно, что к чему. Верно?

— Гарт! — громогласно подтвердил пес и взялся зубами за самый большой гриб. Жико подставил корзинку, и Гарт один за другим сложил туда все грибы, осторожно вынув их из земли.

Белые, как известно, не растут по одиночке, а собираются небольшими кучками. Обнаружив одну такую кучку, нужно только уметь определить, где, скорее всего, следует искать другую; Жико и Гарт прекрасно это умели, и потому быстро наполнили корзинку отборными белыми грибами.

— Вот и отлично, — сказал Жико, тщательно закрывая корзинку большим листом лопуха. — Идем теперь к трактирщику. Ну-ну, не хмурься: я ему обещал.

Но Гарт не любил трактирщика Шарлопа, и потому продолжал хмуриться. Жико и сам предпочел бы не иметь с этим человеком дела — особенно теперь, когда в этом не было необходимости. Это раньше Жико радовался, когда трактирщик заказывал пару корзин, потому что тогда можно было принести ему грибы и сразу получить деньги, а не стоять полдня на базаре, где королевские стражники или какие-нибудь бродяги могли всё отобрать. Господин Шарлоп охотно заказывал Жико грибы и, беззастенчиво пользуясь тяжелым положением мальчика, постоянно ему недоплачивал. С тех пор, как Жико поселился у Дальяна, заказы трактирщика потеряли свою ценность: на базар теперь ходила

бабушка Шанита и получала там настоящую, хорошую цену. Жико перестал работать для господина Шарлопа, и тот начал терпеть убытки: посетители требовали полюбившихся жареных грибов, а мальчишки, которых он пытался нанять, не трудились отделять хорошие грибы от гнилых и старых и тащили все подряд, требуя при этом высокой платы. Теперь трактирщик всячески уговаривал Жико поработать, обещая дать достойную цену. Жико несколько раз соглашался, но господин Шарлоп оставался верен себе — опять хитрил, обманывал и обсчитывал.

Жико и Гарт вышли из леса и зашагали по пыльной дороге. Жико все смотрел по сторонам, ожидая, не покажется ли вдалеке одинокий путник — как знать, вдруг небеса все же пошлют к нему эльгура под видом странника или бродячего торговца?.. Но дорога была пуста.

Вскоре они подошли к большому нескладному дому с давно не крашеной крышей и с полуразмытой дождями вывеской на воротах: «трактир Уголек». Во дворе работник Адраш неторопливо колот дрова. Увидев Жико, он выпрямился и опустил топор.

— Ба! Ваше благородие! Давненько ты к нам не захаживал. Ну, здорово. Рассказывай, как живешь.

Чегмерцы давно дразнили Жико вашим благородием, удивляясь его манерам, которые они находили слишком обременительными для повседневной жизни. С начальством, понятное дело, лучше повежливей быть, ну и если что надо от человека, тоже нужно помягче, а то не даст. Но каждый день-то, промеж своих, чего благородничать? Чегмерцы искренне этого не понимали, вот и поддразнивали. Жико не помнил уже, кто его так прозвал, и не обращал на это внимания.

— Здравствуй, Адраш, — сказал Жико. — Спасибо, живу хорошо. Хозяин дома?

— Занят хозяин, велел подождать.

Адраш перевел взгляд на Гарта и прищелкнул языком.

— Эх, до чего же собака отличная! — Глаза его нехорошо блеснули. — Да, знал бы я тогда, ночью, что ты прячешь за пазухой...

Жико промолчал, отвернувшись, чтобы Адраш не увидел выражения его лица. Ему не нравились эти разговоры, которые работник заводил уже не в первый раз.

Одно из окон трактира распахнулось, и оттуда выглянула важная дама в кружевном чепчике.

— Адрашка, хватит болтать! — крикнула она. — Всё бы тебе не работать! А ты, Жико, заходи, здесь подождешь.

Это была госпожа Толла, супруга трактирщика Шарлопа. Адраш взялся за топор, но

возвращаться к работе не торопился; дождавшись, когда хозяйка отойдет от окна, он состроил ей весьма выразительную рожу, потом выругался, потом плюнул, и только потом нехотя поднял очередное полено.

— Ладно, бывай. Иди, а то попадёт мне.

Жико взял у Гарта корзинку и зашел в трактир. В большом зале, пропитанном запахами готовящейся пищи, почему-то не было посетителей; госпожа Толла протирала пустые столы.

— Сядь, посиди пока, — велела она Жико. — Хозяин скоро придет, примет у тебя товар и расплатится.

— А может быть, вы примете? — спросил Жико. — Меня дома ждут, да и вам не хотелось бы мешать.

— Сказано тебе, жди! — раздраженно бросила хозяйка и быстро удалилась.

Жико догадался, в чем дело: в прошлый раз трактирщика тоже не оказалось дома; госпожа Толла взялась сама рассчитаться с Жико за принесенные грибы и то ли нечаянно, то ли нарочно дала ему справедливую цену. Вероятно, ей потом крепко за это досталось от мужа...

От нечего делать Жико принялся рассматривать давно знакомые картинки, украшавшие стены трактира. Господин Шарлоп очень гордился этими произведениями, грубо намалеванными на пожелтевшем картоне и приобретенными им подешевке давным-давно на каком-то базаре. Прямо напротив Жико красовалась самая большая картина, изображавшая человека в шлеме, замахнувшегося мечом на злобное существо с тремя рогами на голове. Под картинкой стояла подпись: «Храбрый Вальдук побеждает рогача». Рядом на рисунке поменьше два человека убегали от пучеглазых волосатых карликов. Подпись под рисунком гласила: «Храбрый Вальдук и его друг Аган спасаются от ядовитозубых лезгитов». На следующей картинке один из друзей падал, высоко задрав ногу, в которую вцепился зубами карлик. «Аган погибает от ядовитого укуса лезгита», — сообщалось ниже. И наконец последний рисунок из этой серии изображал все того же Вальдука, размахивающего мечом и разбрасывающего карликов во все стороны. «Храбрый Вальдук мстит мерзким лезгитам за смерть друга», — гласила подпись.

Жико не любил эти рисунки, как не любил и сами сказания про храброго Вальдука. Он знал, что в них, как и во многих других народных сказаниях, очень много выдумок и глупых суеверий. В Светлой Книге было написано совсем другое. Там говорилось, что тирганийцы, которых в народе презрительно называли рогачами и изображали злыми и страшными, на самом деле очень благородные и справедливые существа. Они дольше

других народов боролись за Свет на земле, а когда он все же погас, они первыми сумели возродить его в своих сердцах и стали учить этому других. Точно также и лезгиты — маленький, безобидный народ, который еще в давние времена ушел в дремучие северные леса, не выдержав борьбы с большими народами, и жил там до сих пор. Никто из чегмерцев никогда не видел ни тирганийцев, ни лезгитов, и потому в них верили почти как в привидений, боялись их и напридумали кучу небылиц, особенно про лезгитов, приписывая им то ядовитые зубы, то страшные когти, то еще что-нибудь; легенда про ядовитые зубы была почему-то наиболее популярна.

Скрипнула дверь, и на пороге появился господин Шарлоп, невысокий и толстый, как и положено трактирщику. Он держал в руках огромные расчетные книги и был явно не в духе.

— А! Пришел, — обратился он к Жико, бросив книги на стол и не отвечая на приветствие. — Хорошо. Показывай, что принес.

Жико открыл корзину. Трактирщик Шарлоп никогда не хвалил принесенный товар, но тут он не смог сдержать одобрительного возгласа: полная корзина отборных белых грибов производила впечатление. Хмурое лицо трактирщика несколько прояснилось.

— Что ж, неплохо... На, держи свои честно заработанные четыре монеты.

Он порылся в карманах и протянул мальчику деньги.

— Если я не ошибаюсь, корзина белых стоит шесть, — осторожно заметил Жико.

— Ошибаешься! — отрезал Шарлоп, сразу помрачнев. — К тому же, моя жена по ошибке переплатила тебе в прошлый раз. Все, бери деньги, высыпай товар и иди.

Трактирщик шваркнул деньги на стол и, подбоченившись, нагло уставился на Жико.

Жико посмотрел ему прямо в глаза и отчетливо произнес:

— Как вам будет угодно.

С тем же спокойным достоинством он взял монеты, выложил на стол грибы из корзинки и вышел, не сказав больше ни слова.

Трактирщик Шарлоп вышел на крыльцо и закурил трубку, задумчиво глядя вслед мальчику, который быстро удалялся, играя на ходу с Гартон. Пес прыгал вокруг мальчика, стараясь отобрать у него пустую корзину, а Жико уворачивался, прятал ее за спиной и перекидывал из одной руки в другую.

Госпожа Толла подошла к мужу и тоже взглянула на дорогу.

— Ты опять ему недоплатил? — спросила она.

— А то как же, — с довольным видом кивнул трактирщик.

— А он что?

— Ответил, как всегда, в своей великосветской манере: «Как вам будет угодно».

— И опять не спорил?

Трактирщик отрицательно покачал головой и повернулся к жене.

— Как ты думаешь, почему он это делает? Ведь знает отлично, что я ему недоплачиваю, а не ругается, не требует своего.

— Может, боится тебя? — предположила хозяйка.

— Как же, боится! Видела бы ты, как он на меня посмотрел.

— Значит, просто связываться не хочет.

— Вот этого-то я и не могу понять! — воскликнул трактирщик. — Из-за ерунды какой-нибудь, оно конечно, негоже крик подымать, но за свои-то, кровные денежки, а? Видала, как другие мальчишки орут, ежели я с них за гнилушки вычитаю?

— Послушай, — сказала, подумав, хозяйка, — а может, ты бы лучше не связывался с ними? Ведь правда, такую гниль несут — как почистишь, так от целой корзины всего горстка остается, и пожарить нечего! Может, ты бы лучше этому нормально платил?

— Еще чего! — фыркнул Шарлоп. — В кои-то веки небо пошлет дурака, которого можно безнаказанно ободрать, а я стану отказываться!

— И то правда, — согласилась госпожа Толла.

Гарт все-таки отобрал у Жико корзинку и, ознаменовав свою победу серией особых прыжков с переворотом в воздухе, помчался вперед. «Вот неутомимое создание, — подумал Жико. — Целый день носится по лесу, таскает туда-обратно корзинки, и потом готов еще сколько угодно скакать и бегать...»

Когда Жико добрался до дома, Гарт уже гордо возлежал на крыльце, довольный, что сумел настолько его опередить.

Дальян и бабушка Шанита пили чай.

— О! Наконец-то, — обрадовался Дальян, увидев мальчика.

— Давай скорее за стол, — подхватила бабушка Шанита. — Ведь проголодался, наверно, так, что и сил нет!

— Совсем нет, — отвечал Жико, снимая с плеча мешок и отправляясь мыть руки. — Я ведь гостинцы ваши получил, и мы с Гартом пообедали в лесу. Я только чаю попью.

Он вымыл руки и сел за стол. Бабушка Шанита уже налила ему чаю и отрезала громадный кусок яблочного пирога. Жико рассмеялся и покачал головой:

— Мне столько не съесть...

Бабушка Шанита привыкла рассчитывать все порции на недюжинный аппетит Дальяна и всегда забывала, что двенадцатилетнему мальчику нужно гораздо меньше.

— Ой, забыла опять! — спохватилась она. — Ну, ничего, с Гартушкой поделишься. Он пирожки-то любит.

Гартушка был уже тут как тут и многозначительно поглядывал на стол, давая понять, что прекрасно все слышал и без пирога теперь не уйдет.

— Ты чего так долго сегодня? — спросил Дальян.

— К Шаледану заходил, а потом к трактирщику, — отвечал Жико, разрезая свой пирог на кусочки поменьше.

— То-то я смотрю, Гарт пустую корзинку принес. Дался тебе этот трактирщик! Зачем ты опять к нему пошел?

— Я обещал ему две корзины грибов, давно еще; одну отнес, а одна за мной оставалась.

— А зачем обещал-то? Неужто поверил, что на этот раз не обманет?

— Ну, не то чтобы поверил; просто подумал — а вдруг? Иногда ведь, знаешь, люди меняются.

— Ага, меняются! — фыркнул Дальян. — Только не к лучшему. Ну и что, сильно одумался твой трактирщик? Опять ведь, небось, обманул!

— Как водится, — улыбнулся Жико.

Дальян нахмурился и покачал головой.

— Ох, доиграется он у меня! Чувствую, придется все же к нему наведаться, растолковать кой-чего...

— Не надо, Дальян. Я знаю, ты за меня заступиться хочешь; спасибо тебе, но, правда, не надо. Это мои дела.

Дальян отставил кружку. Жико уже не в первый раз отказывался от его помощи.

— Твои-то твои, да только неважно ты их ведешь. Почему ты такое терпишь, можешь ты мне объяснить?! Сколько раз я тебе говорил: раз обманывает, бросай ты на него работать! Или скажи, чтобы платил как следует! А если сам не можешь за себя постоять, так давай я схожу. Я бы ему загривок-то начесал!

— Ты же знаешь, дело не в этом. Я могу за себя постоять, если надо. Просто у меня свои правила.

— Знаю я твои правила: не ругаться, не обманывать, и все такое. Это все хорошо и верно, да только раз трактирщик твой врет и слова не держит, так почему ты должен?

Жико тяжело вздохнул. Он любил Дальяна и не хотел с ним спорить, но и согласиться

тоже не мог. Дальян был добрым и честным парнем, старался жить по справедливости, но, не зная Света, понимал справедливость по-своему.

— Я тебе уже говорил, Дальян: трактирщик тут ни при чем; если он обманывает или еще что плохое делает — ему за это и отвечать перед Владыкой небес. А я за себя отвечать буду, и поэтому у меня должна быть спокойна совесть, что я все правильно делаю. В Светлой Книге написано, что неважно, кому ты слово дал — доброму человеку или злему, честному или нет — если обещал, должен выполнить.

— Жико, друг ты мой милый, да когда ж ты наконец повзрослеешь?! — простонал Дальян. — Пойми ты, нельзя так жить! Светлая Книга — вещь хорошая, и написано там все хорошо, а только в жизни-то совсем по-другому бывает! Я ведь тебя как брата люблю и желаю тебе добра. Народ у нас сам знаешь какой — злой да хитрый, и в Светлую Книгу твою не заглядывает. Что же, ты так и будешь со всеми по-хорошему, а они с тобой будут, как захотят? Да они ж загрызут тебя!

— Не загрызут.

Дальян безнадежно махнул рукой.

— Ладно, иди отдыхай. В кузнице ты мне сегодня не нужен — я еду в Чильван и буду там до вечера.

Жико отдал Гарту последний кусок пирога, поблагодарил бабушку Шаниту и вышел. Дальян остался сидеть за столом, в раздумье постукивая пальцами по кружке.

— Не пойму я его, матушка, хоть убей, не пойму. То вроде посмотришь — совсем мальчонка еще, тихий такой да беззащитный, голоса не повысит; эх, думаешь, как же тебе на свете-то жить? А то вдруг глядишь — тверже камня, не боится ничего и до конца на своем стоять будет...

— Я думаю, он покрепче нас с тобой будет, Дальяша, — тихо отозвалась бабушка Шанита, которая до этого молча вытирала посуду, внимательно слушая, но не вмешиваясь в разговор. — Ты не смотри, что он тихий такой; это, я тебе скажу, не от слабости да беспомощности. Просто мальчонка этот понимает что-то такое, чего нам с тобой невдомек. Вспомни, сколько он пережил. Один остался, а по миру не пошел; сам себя прокормить сумел, да еще и сердце доброе сохранил. Может быть, это как раз благодаря той самой Книге, за которую ты его ругаешь. И, может быть, нам самим еще у него жизни поучиться придется.

— Не знаю, матушка, не знаю, — покачал головой Дальян. — Ладно, поеду я. Жди меня обратно к вечеру или завтра к утру.
